

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

rin@petsu.ru

**ВИКТОР КЛИШКО КАК УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СОВЕТА
ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Рассматривается деятельность Виктора Ивановича Клишко в должности уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Карелии в 1950 году. Документальный корпус работы представлен неопубликованными источниками Национального архива Республики Карелия. Особую ценность источникового массива составляет личное дело управленца. Методология исследования представляет собой комплекс подходов – сочетание просопографических, историко-психологических, квалитологических подходов в контексте модальной биографии. Данный ракурс позволяет минимизировать исследовательский субъективизм при оценке мировоззренческих и поведенческих доминант уполномоченного как актора истории. В ходе исследования установлено, что назначению Виктора Клишко на должность уполномоченного способствовал комплекс факторов: вектор церковно-государственной политики центрального и регионального уровней, а также его профессионально-управленческий опыт. Автор делает вывод, что за полгода пребывания в должности уполномоченный добился значительных результатов в деле передачи храмов под культурно-социальные нужды населения Карелии. Четкая стратегия управленческой деятельности Виктора Клишко позволила расширить сферу деятельности уполномоченного в область *negative campaigning*. Исходя из личностных акцентуаций и многолетнего опыта антирелигиозной деятельности, уполномоченный был сторонником мер репрессивного характера в отношении к Церкви, апробированных им в практике «воинствующего безбожия» периода 1920–1930-х годов. Должностная ротация Виктора Клишко как уполномоченного была следствием противостояния Совета по делам Русской православной церкви с Управлением агитации и пропаганды ЦК партии, отсутствием корпоративной коммуникации и диалога с объектами церковно-государственных отношений.

Ключевые слова: уполномоченный, Совет по делам Русской Православной Церкви, Карело-Финская ССР, просопография, должностное лицо, акцентуации личности

Для цитирования: Ружинская И. Н. Виктор Клишко как уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.417

ВВЕДЕНИЕ

История института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) – одна из приоритетных тем исследовательского интереса в области церковно-государственных отношений. За последние годы учеными накоплен значительный материал к пониманию данного феномена истории СССР. Благодаря введению в научный оборот недоступного ранее документального корпуса, исследована эволюция и правовое положение института уполномоченных (работы Р. В. Зворыгина, О. Н. Копыловой, П. В. Панова, А. Н. Потапова, Т. А. Чумаченко). Накоплен значительный материал по изучению региональной специфики института уполномоченных (работы Р. М. Громова, Е. В. Дроботушенко, А. П. Жамкова, О. Б. Молодова, К. А. Полозовой, К. Ю. Поповой, М. Б. Сердюк, О. С. Смирновой, И. В. Смолиной, Л. И. Сосковец, З. А. Федоровой, И. Ю. Федотовой, О. Б. Халидовой). Использование просопографического

подхода сделало возможным составление обобщающего портрета уполномоченного в региональном контексте (работы дьякона В. Гуляева, Ю. В. Гераськина, А. А. Дорош, Е. С. Климовой, Е. И. Малюкова, А. Г. Подмарицына). При этом проблемным направлением в изучении института уполномоченных продолжает оставаться антропологический феномен данного явления [17]. Этому способствует комплекс факторов источникового и методологического характера. Данное обстоятельство повлияло на то, что наименее изученным вопросом продолжает оставаться персонификация уполномоченных. Фрагментарность и тенденциозность источников, религиозные и политические предпочтения исследователя [10] устанавливают значительные барьеры к объективной оценке данного фактора [16]. Одним из вариантов решения этой проблемы может быть применение междисциплинарных подходов. Анализ индивидуального сознания и индивидуальной деятельности – важнейшие со-

ставляющие микроисторических исследований, обобщающих персональный опыт [18].

Значительным потенциалом объективной оценки обладают возможности просопографии и модальной биографии. Просопография советского чиновничества по надзору за религиозными организациями – одно из перспективных направлений в исследовании института уполномоченных [12: 111]. Использование просопографического метода [15] дает возможность выделения границы личного и профессионального при анализе деятельности советского управленца в религиозной сфере. Это позволяет увидеть, на наш взгляд, уполномоченного в двух измерениях: как чиновника, выполняющего регламентированный круг должностных обязанностей, и как личность. Историко-психологический метод дает возможность реконструировать эволюцию мировоззренческих установок личности уполномоченного, их влияния на профессиональную деятельность управленца [9], [20].

Не менее сложной проблемой для исследователей остается вопрос о выработке критериально-оценочного комплекса качества деятельности уполномоченного. Нельзя не согласиться с мнением О. Б. Молодова, что соответствие деятельности уполномоченного требованиям действующего законодательства – наиболее верный критерий объективной оценки работы представителя СДРПЦ [11: 246]. Методология квалитологического подхода к оценке деятельности управленца позволяет выявить качество результата и качество управления всей институциональной системой [19]. Это значительный ресурс к оценке мотивационной составляющей качества работы уполномоченного. Сочетание биографики с квалитологическим подходом минимизирует исследовательский субъективизм и формирует критериальный подход к оценке деятельности уполномоченного через выполнение возложенных на него государственных задач. При этом биографику уполномоченного может быть выстроена в нескольких траекториях: социализация, карьерная вертикаль, корпоративное пространство, межкорпоративные взаимодействия. Таким образом, сочетание общенаучных и специальных методов исследования позволяет реконструировать антропологический фактор в характеристике уполномоченного как субъекта истории. Исходя из данного обоснования, целью работы является исследование уполномоченного СДРПЦ по Карело-Финской ССР Виктора Ивановича Клишко как личности и чиновника. Реализации данной цели способствует наличие комплекса документов Национального архива Республики Карелия (НА РК). Они доступны для исследователя, сопоставимы, информативны и позволяют увидеть исследуемое явление в комплексе исследовательских задач. Документальным ресурсом работы стали дела из «Лич-

ного фонда» В. И. Клишко (Ф. Р-2434) и фонда «Уполномоченного совета по делам религий при Совете министров РСФСР по КАССР» (Ф. Р-310). В комплексе источников это докладные записки, отчеты, беседы уполномоченного с епархиальным благочинным, статьи, письма, брошюры В. И. Клишко, альбом с фотографиями, справки о церквях, описи церковного имущества. Особую информационную ценность представляет «Личное дело В. И. Клишко»¹. Наличие данных материалов чрезвычайно важно, поскольку позволяет реконструировать социально-политический и профессионально-корпоративный портрет функционера.

Институт уполномоченных СДРПЦ на территории КФССР был создан 3 декабря 1943 года². Это был один из первых опытов создания нового ведомства церковно-государственных отношений в регионах СССР. Стратегическое положение приграничной республики, открытие храмов в период действия оккупационного режима делают этот факт вполне обоснованным. Деятельность уполномоченных на территории КФССР изучалась в ряде научных работ. Исследовательские интересы распространялись на объектно-проблемные характеристики церковно-государственных отношений в регионе [2], факторную специфику вопроса [4], историю церковных общин Карелии [1]. Личность уполномоченного и особенности его профессиональной деятельности как должностного лица не являлись предметом специального исследования. Назначение В. И. Клишко уполномоченным СДРПЦ произошло 1 марта 1950 года. Это было сложное в политическом отношении время для страны в целом и КФССР в частности [3], [5]. Смысловые акценты должностной деятельности уполномоченных в этот период коррелировались спецификой межведомственного рассогласования по стратегии государства в религиозном вопросе [6: 48]. Особенно заметно это проявилось в противостоянии СДРПЦ с Управлением агитации и пропаганды ЦК КПСС. В. И. Клишко был широко известным в регионе работником СМИ и лидером «Союза воинствующих безбожников Карелии». Ротация уполномоченных с подобным вектором карьеры подтверждает мнение об эволюции институционального состава данной группы управленцев [14: 338] и усилении научно-атеистической составляющей в государственной политике [13: 129]. Антирелигиозники эпохи воинствующего атеизма оказались востребованными особенно там, где рост активности верующих выразился в активизации церковной жизни. Для В. И. Клишко данное обстоятельство стало доказательством наступления «церковников» на завоевание социализма, а значит, необходимости продолжения войны с врагом советской власти. Таким образом,

контролирующие полномочия по соблюдению субъектами церковной деятельности законодательства о культах должен был реализовывать не очередной чиновник-назначенец, а человек с убеждениями воинствующего атеиста.

Исследование причин подобного антагонизма диктует необходимость реконструкции религиозного опыта данного человека. Объяснение враждебного отношения к религии, отличавшего В. И. Клишко, на наш взгляд, кроется не только в идеологических приоритетах атеистического государства, но и специфике личностных акцентуаций. Крещенный в младенчестве, он рос в многодетной семье петербургского повара и портнихи³. Опосредованные данные свидетельствуют о религиозных традициях семьи, в духовном воспитании которой значительную роль играл дед⁴. Учасье в школе, мальчик демонстрировал прекрасную память, сообразительность, поведение и отличные оценки, в том числе по такому предмету, как Закон Божий, и был одним из самых даровитых учеников класса. По мнению учителя, Колю Клишко отличала всесторонняя любознательность, что предполагало «вдумчивое отношение к его образованию и воспитанию»⁵. Однако ранняя смерть отца разрушила привычный мир и сильно отразилась на материальном благополучии семьи. Учебу в школе пришлось совмещать с ежедневными подработками разносчиком. При огромном желании учиться дальше В. И. Клишко закончил лишь семилетку. Революционные события 1917 года отложились в памяти Клишко не только экономическим кризисом и политическим акциями в Петрограде. Это было время переоценки традиционных ценностей, когда христианские идеалы разбились о жестокий прагматизм рациональной реальности. Пытливый ум подростка нашел объяснение происходящему в самообразовании. Значительную долю книг, которую он читал в это время, составила антирелигиозная литература (работы Н. А. Рубакина, С. К. Минина, И. И. Скворцова-Степанова, П. Блахина, И. Моста). Библейским героям духовного мира противостояли герои-радикалы: «...я уже давно порвал все с небесами, страхнул с себя религии дурман, узнав из книг, что все это – обман»⁶. Утрата религиозных ценностей как духовно-нравственной основы мировоззрения привела подростка к осознанию «лживости» религии: «...я стал неверующим и сочувствующим партии большевиков с июльских дней 1917 года»⁷. Дальнейший радикализм взглядов В. И. Клишко проходил в автобоевом отряде Петросовета, где юноша возглавил комсомольскую ячейку. В 1920 году он был направлен на комсомольскую работу в Карелию. Анализ документального материала позволяет признать, что наиболее значительной сферой личных достижений В. И. Клишко считал свои заслуги в антирелигиозной сфере⁸. За 35 лет им была организована сеть учебы «безбожного

актива» Карелии, проведены сотни докладов, бесед, вечеров, дискуссий, направленных на борьбу с «церковниками», написаны брошюры и множество статей антирелигиозного содержания. В. И. Клишко подчеркивал, что ему принадлежит лидерство в республиканской организации «Союз воинствующих безбожников», руководителем которой он являлся. Предметом особой гордости коммуниста стала организация и проведение антирелигиозных кампаний: по вскрытию мощей Елисея Сумского, по закрытию церковью, по прекращению колокольного звона и передаче колоколов в фонд индустриализации страны. Как лидер «безбожного актива» Карелии, он принимал непосредственное участие в сносе Святодуховского кафедрального собора, руководил снятием его колоколов и лично сбросил крест с купола [7: 75]. К 1940 году заслуги Клишко в антирелигиозной работе были отмечены на всероссийском уровне грамотой и знаком «Активист Союза Воинствующих Безбожников»⁹. Общественное признание укрепило его в значимости подобной деятельности, а созданная «ситуация успеха» стала фактором высокой самооценки при акцентуации собственной личности. Можно предположить, что В. И. Клишко относился к «застревающему» типу личности [8]. Это могло проявляться в повторяющихся ситуациях («церковники – враги советской власти»), так как человек с подобным типом акцентуации постоянно пытается свести счеты с «противником», особенно тем, которым был обманут. Не случайно роль «борца за справедливость» была присуща В. И. Клишко вплоть до конца жизни. Ситуация успеха в этой борьбе, осознание личных заслуг и общественного признания сопровождаются у таких людей желанием повторения успеха, к которому личность настойчиво идет. Для понимания специфики деятельности В. И. Клишко в должности уполномоченного это чрезвычайно важно, поскольку объясняет психологическую основу его характера. В. И. Клишко был идейным противником религии, искренним выразителем идей «социальной инженерии», которая избавит общество от суеверия и религиозных предрассудков. Его искренняя убежденность в социализм и науку была сродни религиозной вере, а обожествление прогресса давало полную уверенность в героическом продвижении к преобразованному будущему миру [21: 62]. Личные качества В. И. Клишко (работоспособность, инициативность, целеустремленность, идейность, эрудированность и честность) были залогом его эффективной работы как управленца.

При кажущейся простоте должностных обязанностей на уполномоченного возлагались достаточно сложные и многофункциональные задачи. Прежде всего эта должность требовала четкого владения навыком работы с информацией (устной и письменной). Ее надо было собрать,

систематизировать, проанализировать и презентовать в виде отчетов, справок, заключений. Это предполагало обширное и трудоемкое делопроизводство текущего и перспективного характера. Необходимость мобильной ориентации в религиозной ситуации не исключала командировок в районы республики, частного общения с людьми и координирования межведомственной деятельности. Таким образом, на уполномоченного возлагался комплекс функций учета, контроля, наблюдения, анализа и разъяснения. Нельзя не отметить специфичности статуса уполномоченных. Эти чиновники являлись представителями центрального ведомства, но работали при исполкомах местных Советов. Это обстоятельство объясняет сложность процесса инкорпорации уполномоченных в партийно-советскую вертикаль региональной власти. Руководство СДРПЦ не имело влияния на назначение уполномоченных, поскольку кадровый состав назначенцев формировался региональными комитетами партии, а финансирование структуры производилось из местного бюджета [6]. В русле усиления атеистической пропаганды СНК КФССР достаточно быстро определился с новой кандидатурой уполномоченного и согласовал ее с партийным руководством республики. Назначение В. И. Клишко на должность уполномоченного было определено спецификой государственной политики по отношению к православию в начале 1950 года, комплексом антирелигиозных задач в приграничном регионе и большим опытом практической деятельности назначенца в сфере борьбы с религией. Однако у В. И. Клишко отсутствовали такие качества, как гибкость, тактичность, толерантность, терпимость, что могло негативно сказаться на реализации посреднических функций уполномоченного в диалоге с верующими и представителями власти. Инструктивные требования к уполномоченным «наладить правильные взаимоотношения с церковным руководством, с духовенством и всеми верующими»¹⁰ В. И. Клишко интерпретировал по-своему. Как воинствующий атеист, он опирался на правовую базу законодательных актов 1918 и 1929 годов¹¹, а как журналист – на стратегические установки газеты «Правда» об усилении естественно-научной и антирелигиозной агитации¹². Открытие молитвенных зданий и возобновление церковной жизни на территории КФССР в 1944–1949 годах было расценено им как факт «недопустимой беспечности по отношению к церковникам со стороны уполномоченных». В этом плане показательна беседа, состоявшаяся между бывшим уполномоченным А. М. Демидовым, Управляющим делами Совета Министров КФССР И. М. Петровым и вступающим в должность В. И. Клишко. Тщательно подготовившись к встрече, В. И. Клишко задал А. М. Демидову 29 вопросов. Сам стиль разговора больше на-

поминал допрос («что сделано», «почему нет», «кто разрешил», «почему не проводились»)¹³. По итогам разговора В. И. Клишко негативно оценил работу А. М. Демидова: «Такой уполномоченный был для церковников своим человеком»¹⁴. Но, как талантливый управленец, В. И. Клишко не только констатировал «ошибки» предшественников. Он учитывал опыт, накопленный уполномоченными, для реализации государственных задач во взаимоотношениях с РПЦ. Умение четко планировать свою работу позволило В. И. Клишко составить программу противодействий «оживлению церковников» в Карелии¹⁵. Анализ программы свидетельствует, что в первые недели по вступлении в должность он тщательно изучал фонд дел, накопленных уполномоченными с 1943 по 1950 год. Прежде всего это касалось нормативно-правовой основы собственного статуса и положения РПЦ в Советском Союзе. Составив аналитический обзор распространения религиозности в Карелии, В. И. Клишко проинформировал региональные власти и СДРПЦ об «усилении активности церковников» в регионе.

Как свидетельствуют документы, приоритетным направлением работы В. И. Клишко был поиск законных путей к передаче молитвенных зданий под объекты социально-культурного назначения. Исходя из собственного опыта антирелигиозной работы в 1920–1930-х годах, он знал, что подобные меры приведут к парализации церковной жизни в местах локального проживания верующих. Для реализации данной стратегии В. И. Клишко использовал несколько форм воздействия: на священнослужителей – на церковный актив – на местные исполкомы. Так, например, он обязал все райисполкомы и горисполкомы республики составить списки бездействующих церквей с последующей подготовкой ходатайств исполнительных органов местной власти «о передаче пустующих зданий под культурные и другие цели». Апробация подобного опыта была проведена В. И. Клишко на примере молитвенных зданий Олонецкого района (деревни Тукса, Мегрега, Коткозеро, Вагвозеро, Кукшегора, Верховье, Юргелица). Этому предшествовала тщательная информационно-аналитическая подготовка уполномоченного, его командировка в Олонецкий район, использование административного ресурса и отклонение ходатайств верующих об открытии храмов¹⁶. Следующей территорией, где уполномоченный предполагал повторение подобной акции, был Пряжинский район. По отношению к действующим церквям уполномоченный апробировал иную практику. В случае отсутствия священника при церкви год и более (нормы действующего законодательства) он инициировал закрытие храма с последующей передачей здания под нужды культурного строительства. Так произошло с церковью села Паданы. Несмотря на информированность В. И. Клишко

о назначении в мае 1950 года нового священника в местную церковь, уполномоченный не стал дожидаться его приезда из Ленинграда, а приступил к закрытию храма 5 июня 1950 года¹⁷. Действующий собор города Олонца усилиями В. И. Клишко снова стал Домом пионеров, что, с точки зрения уполномоченного, было особенно важным ввиду близости зданий школы и церкви. Изыскивая новые поводы к закрытию храмов, он начал крупномасштабную акцию по ревизии «культового инвентаря» действующих церквей. Им были составлены описи, проведены ревизии и предметная оценка с обнаружением вопиющих фактов сокрытия «государственного имущества, переданного в пользование церковным общинам». Можно предположить, что ненадлежащее техническое состояние действующих церквей (отсутствие ремонта и «несгораемых шкафов») могло использоваться В. И. Клишко как повод к будущему закрытию храма. Кроме того, перспективным направлением к уничтожению действующих молитвенных зданий уполномоченный видел их «слом ввиду ветхости», в чем просил СДРПЦ оказать всяческое содействие¹⁸. Осуществляя саморефлексию, В. И. Клишко был удовлетворен первыми итогами работы в должности. За полгода деятельности он добился передачи под «культурные учреждения» трех действующих и семи бездействующих храмов, произвел учет, оценку и передачу «церковного инвентаря всех действующих церквей во временное пользование общин»¹⁹.

Авторитарность методов, применяемых В. И. Клишко в работе, отсутствие желания к конструктивному диалогу с «церковниками» отчетливо проявились в «беседах» уполномоченного с епархиальным благочинным П. Д. Сергиным. За апрель – июнь 1950 года между ними состоялось семь встреч по вопросам церковной жизни в КФССР. Назвать продуктивными эти «беседы» вряд ли возможно. Их формат сопровождался авторитарной стилистикой переговоров со стороны уполномоченного: «уточнил», «узнал», «сообщил», «предупредил», «потребовал», «обратил внимание», «поручил». Речь шла о регистрационных справках духовенства, договорах и описях культового имущества, ревизиях храмов, составе «двадцаток», ходатайствах верующих об открытии церквей, покупке дома для епархиального управления, оказании содействия в приобретении через Госплан кирпичей на ремонт храмов. Подводя итог встреч, уполномоченный удовлетворенно констатировал, что из пятидесяти двух вопросов дал благочинному удовлетворительные ответы на четыре вопроса²⁰. Специфическим направлением деятельности уполномоченного была информационная война с религией. Используя многолетний опыт работы в СМИ и руководство «Союзом воинствующих

безбожников» Карелии, он, по сути, применял *negative campaigning*, создавая отрицательный образ Церкви в восприятии власти и рядовых граждан. Программа В. И. Клишко «Как бороться против антисоветских вылазок церковников и нарушений правил отделения церкви от государства» включала 40 ключевых мер. Среди акций пропагандистского характера – типичные меры эпохи «воинствующего безбожия»: лекции и доклады антирелигиозного содержания, консолидация усилий власти, СМИ и общественных организаций по усилению естественно-научной работы среди населения. «В наше время, когда все пути ведут к коммунизму, нельзя примиренчески относиться к религии и религиозным пережиткам»²¹. Как свидетельствуют документы, целью В. И. Клишко было не только компрометировать священнослужителей и церковный актив республики, но добиться уголовного наказания за «антисоветскую деятельность церковников» по статьям 123–126 и 169²². Особое возмущение уполномоченного вызвали «враждебные вылазки церковников против коммунистов, включая членов ЦК КП(б) КФССР», выразившиеся в факте крещения детей ответственных работников без согласия родителей:

«Бабушки, тещи, старые няни... насильно навязывают свои религиозные взгляды, подрывают авторитет родителей, вынуждают партийные организации применять к этим коммунистам строгие партийные взыскания, а иногда и отстранять их от работы»²³.

Собранные материалы В. И. Клишко направил второму секретарю ЦК ВКП(б) КФССР Ю. В. Андропову с просьбой передать «материал» в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР «для принятия соответствующих мер». Попутно уполномоченный отметил «примиренческое» отношение прокуратуры КФССР к подобным действиям «церковников», крупные недостатки в атеистической работе, благодушие, примиренчество, безответственность и зажим критики со стороны местных властей.

Ратуя за всемерное соблюдение законности, В. И. Клишко фактически не имел законного основания к выполнению должностных функций уполномоченного уже через месяц после назначения. Документы свидетельствуют, что распоряжением Совета Министров СССР от 26.03.1950 № 4068-р должность уполномоченного по КФССР была сокращена «ввиду незначительного объема работы»²⁴. 4 апреля 1950 года председатель СДРПЦ Г. Г. Карпов проинформировал председателя Совета Министров КФССР П. С. Проконена об этом решении. Однако двойственность статуса подчиненного уполномоченного позволила В. И. Клишко продолжить работу, затягивая процесс передачи и уничтожения дел вплоть до осени 1950 года. В этот период с подачи В. И. Клишко Совет Министров КФССР ходатайствовал перед СДРПЦ о сохранении

должности уполномоченного, «хотя бы по совместительству» ввиду того, что

«ликвидация должности... усилит активность церковников Республики, направленную на расширение сети действующих церквей, на усиление религиозной пропаганды среди трудящихся нашей пограничной республики»²⁵.

Должность уполномоченного по КФСР удалось сохранить в статусе совместительства с управлением делами Совета Министров КФСР, но не в лице В. И. Клишко. Он был назначен заведующим информационно-статистическим отделом Президиума Верховного Совета КФСР, продолжая бороться с «церковниками» посредством трибуны Петрозаводского горкома ВКП(б). Участвуя в прениях, он открыто критиковал чиновников за «стремление к портфелям», «подхалимство перед начальством», «зажим критики», «персональные дачи и машины». Но главной темой его выступлений по-прежнему была борьба с религией.

«Выход» В. И. Клишко из управленческой системы последовал в мае 1954 года. Хотя объективно этому способствовало обострение туберкулеза, но бывший уполномоченный считал себя жертвой «расправы с критикой». Через «газетную деятельность» персональный пенсионер пытался компенсировать личную невестребованность в обществе. В отдел писем газет «Правда» и «Ленинское знамя» он пишет письма с критикой и предложениями по изменению конструкции радиоприемника, по изданию книг, по репертуару грампластинок, по содержанию футбольных репортажей и текста гимна СССР²⁶. При этом В. И. Клишко обладал удивительной интуицией, определяя усиление партийно-государственного курса в сторону религиозной нетерпимости. Весной 1957 года В. И. Клишко умер, а через год бюро Карельского обкома партии приняло постановление «О состоянии и мерах по усилению антирелигиозной пропаганды в республике», фактически провозгласив курс на то, к чему призывал уполномоченный еще в 1950 году. В этих условиях опыт В. И. Клишко как уполномоченного и пропагандиста-антирелигиозника оказался очень востребованным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если следовать требованиям, предъявляемым к «подбору работников» эпохи сталинизма, то В. И. Клишко был идеальным функционером

в области церковно-государственных отношений, поскольку умел «осуществлять директивы», «понять их», «принять, как свои родные» и «приводить их в жизнь»²⁷. Другое дело, что понятие «правильная политическая линия» по отношению к Церкви на рубеже 1940–1950-х годов варьировалось. Отсутствие последовательности курса сдвигало акцентные границы от арбитражных к откровенно карательным приоритетам и было предметом межведомственного рассогласования. Исходя из личностных акцентуаций, многолетнего опыта антирелигиозной деятельности, В. И. Клишко был убежденным сторонником мер репрессивного характера, апробированных им в практике «воинствующего безбожия» периода 1920–1930-х годов. Назначение В. И. Клишко уполномоченным СДРПЦ было не случайным, а закономерным фактором социального происхождения, идейно-политического уровня и вектора карьерной траектории. Его деятельность как уполномоченного была валидна, то есть коррелировалась рамками законодательной базы церковно-государственных отношений того времени. Однако по отношению к религии В. И. Клишко был не столько чиновник, сколько идейный борец, отстаивающий идеалы социалистического государства в борьбе с врагом советской власти, в котором не должно быть места «религиозным предрассудкам». Ценностно-мировоззренческие ориентации личности В. И. Клишко не расходились с практикой его профессиональной деятельности, что предопределило квалитологическую устойчивость его работы в качестве уполномоченного. При отсутствии полилога с объектами церковно-государственных отношений, административно-командный стиль работы В. И. Клишко, его личностные качества как управленца позволили всего за полгода добиться передачи под светские учреждения трех действующих и семи бездействующих храмов, а также выработать комплекс антирелигиозных мер перспективного характера. Существенным препятствием к карьерному росту функционера был, на наш взгляд, низкий образовательный уровень (семилетка), застревающий тип акцентуаций, отсутствие устойчивых корпоративных коммуникаций и плохое физическое здоровье В. И. Клишко. Должностные обязанности уполномоченного, возложенные на него, он воспринимал как ответственное задание партии и правительства в деле антирелигиозной борьбы, реализуя его в концепте «воинствующего безбожия».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1, Д. 1/1. 136 л.

² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2, Д. 1/1. Л. 6.

³ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1, Д. 1/1. Л. 1–1 об.

⁴ Клишко В. И. Бог, попы и комсомол. Петрозаводск, 1923. С. 5.

⁵ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1, Д. 1/1. Л. 2–6.

⁶ Клишко В. И. Бог, попы и комсомол. С. 12.

- ⁷ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 18.
⁸ Там же. Л. 132–135.
⁹ Безбожник. 1940 (11 мая). № 14 (713). С. 3.
¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. О. 1. Д. 7. Л. 91–92.
¹¹ Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях».
¹² «Широко использовать антирелигиозную пропаганду» // Правда. 1948, 29 июня. С. 3.
¹³ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 43.
¹⁴ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/21. Л. 54.
¹⁵ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 58–59.
¹⁶ Там же. Л. 54.
¹⁷ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 48; Д. 3/37. Л. 28–29.
¹⁸ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 58–59.
¹⁹ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 132–135.
²⁰ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 32.
²¹ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/21. Л. 25–26, 79–81.
²² Уголовный кодекс РСФСР / Ред. 05.03.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
²³ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/21. Л. 27.
²⁴ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 56.
²⁵ Там же. Л. 58–59.
²⁶ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/18. Л. 2–35.
²⁷ Сталин И. В. Организационные отчеты Центрального Комитета РКП(б) // Сочинения. Т. 5. М., 1953. С. 210.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Р. О. Документы Канцелярии уполномоченного по делам Русской православной церкви при Совете министров КФССР как источник по истории православия в Карелии на заключительном этапе Великой Отечественной войны // 1917–2017 годы: уроки столетия для Карелии: Материалы науч. конф. Петрозаводск, 2018. С. 173–180.
2. Басова Н. А. Православные приходы в годы Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия // Олонецкая епархия: страницы истории / [Сост. Н. А. Басова и др.]. Петрозаводск, 2001. С. 41–46.
3. Бутвило А. И. Внутриполитические предпосылки упразднения Карело-Финской ССР в 1956 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7 (160). Т. 2. С. 16–23.
4. Вавулинская Л. И. Православная церковь в Карелии в 1950–1960-е гг. // Православие в Карелии: Материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск, 2003. С. 447–452.
5. Васильев Ю. А. Политическая элита Карело-Финской ССР в период позднего сталинизма // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 7–14.
6. Гераськин Ю. В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–4. С. 45–51.
7. Дианова Е. В. Домашние архивы жителей Петрозаводска (на примере семьи Клишко) // Роль архивов в воспитании патриотизма: материалы науч.-практ. конф. Петрозаводск: НАРК, 2008. С. 69–76.
8. Леонгард К. Акцентированные личности / Пер. с нем. В. М. Лещинской. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 544 с.
9. Макеев В. В., Шпак В. Ю. Философско-правовой анализ личностно-психологических составляющих карьерного роста // Философия права. 2000. № 1. С. 66–72.
10. Митрохин Н. А. Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3–4. С. 505–511.
11. Молодов О. Б. Роль уполномоченных Совета по делам религий в реализации государственной вероисповедной политики на Русском Севере (1960–1980 гг.) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. Вып. 1. С. 242–247.
12. Подмарницын А. Г. М. Кошман – уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР по Ульяновской области (документальный портрет чиновника хрущевской эпохи) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2015. Т. 9. № 1. С. 111–116.
13. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М.: АИРО–XX, 1999. 248 с.
14. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое подворье, 1999. 400 с.
15. Юмашева Ю. Ю. Архивы, просопография и «право быть забытым» // Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI вв. Проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: Сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. конф. Тверь: СФК–офис, 2014. С. 60–69.
16. Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. New York, 1994. P. 201–220.
17. Kavolis V. History of Consciousness and Civilizational // Comparative Civilizations Review. 1987. No 17. P. 1–19.
18. Levi G. On Microhistory. New Perspectives on Historical Writing. (Peter Burke, Ed. by). University Park (Penn.), 1992. P. 93–112.
19. Maslow A. H. A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*. 1943. No 50. P. 370–396.
20. Merton R. K. Bureaucratic Structure and Personality // Merton R. K. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1957. P. 195–206.
21. Scott James C. Seeing like a state. How certain schemes to improve the human condition have failed. London, New Haven: Yale University Press, 1998. 461 p.

Поступила в редакцию 26.04.2019

Irina N. Ruzhinskaya, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rin@petsu.ru

VICTOR KLISHKO AS THE COMMISSIONER OF THE COUNCIL FOR THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AFFAIRS: PROSOPOGRAPHIC ASPECT

The article discusses the activities of Viktor Ivanovich Klishko as the commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs in Karelia in 1950. The research documents are represented by unpublished sources of the National Archive of the Republic of Karelia. V. I. Klishko's personal archive file, stored in the National Archive, is a particularly valuable source of information. The research methodology is a set of approaches – a combination of prosopographic, historical, psychological, and qualitative approaches in the context of modal biography. This approach enables to minimize the research subjectivism in assessing the ideological and behavioral dominants of the Council's commissioner as an actor in history. It was established that the appointment of Victor Klishko to the post of the commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs was facilitated by a set of factors: the vector of the Church-state policy at the central and regional levels, as well as Victor Klishko's professional and managerial experience. The author concludes that as the commissioner Victor Klishko achieved significant results in transferring churches to state control according to the cultural and social needs of the population of Karelia during his six months in office. A clear strategy of Victor Klishko's management activities enabled to expand the scope of activities of the commissioner in the field of negative campaigning. Following his personal highlights and accents, as well as many years of anti-religious experience, the commissioner supported repressive measures against the Church. These measures were tested by Klishko in practicing "militant atheism" during the 1920s and the 1930s. Victor Klishko's transfer from the commissioner's post was the result of the opposition between the Council for the Russian Orthodox Church Affairs and the Department for Agitation and Propaganda of the Central Committee of the Communist Party, as well as the lack of corporate communication and polylogue with the objects of Church-state relations.

Keywords: authorized representative, Council for the Russian Orthodox Church Affairs, Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, prosopography, official, personality accentuation

Cite this article as: Ruzhinskaya I. N. Victor Klishko as the commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs: prosopographic aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.417

REFERENCES

- Alexandrov R. O. Records of the Office of the Commissioner for the Russian Orthodox Church Affairs at the Council of Ministers of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic as a source on the history of Orthodoxy in Karelia at the final stage of the Great Patriotic War. *1917–2017: lessons of the century for the Republic of Karelia: Proceedings of the research conference*. Petrozavodsk, 2018. P. 173–180. (In Russ.)
- Basova N. A. Orthodox parishes during the Great Patriotic War and the first postwar decade. Olonets Diocese: pages of history. (N. A. Basova et al., Comp.). Petrozavodsk, 2001. P. 41–46. (In Russ.)
- Butvilo A. I. Internal political factors of Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic abolishing in 1956. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 7 (160). Vol. 2. P. 16–23. (In Russ.)
- Vavulinskaja L. I. The Orthodox Church in Karelia in the 1950s and the 1960s. *Orthodoxy in Karelia: Proceedings of the II International Research Conference Commemorating the 775th Anniversary of Christianization of Karelia*. (V. M. Pivoev, Ed.). Petrozavodsk, 2003. P. 447–452. (In Russ.)
- Vasiliev Yu. A. Political elite of the Karelo-Finnish SSR in the period of late Stalinism. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 5 (166). P. 7–14. (In Russ.)
- Geraskin Yu. V. The emergence and formation of the institute of the commissioners of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs under the USSR Council of Ministers. *Izvestiya of Altai State University Journal*. 2008. No 4–4. P. 45–51. (In Russ.)
- Dianova E. V. Home archives of Petrozavodsk residents (the case of the Klishko family). *The role of archives in patriotic education: Proceedings of the research and practice conference*. Petrozavodsk, 2008. P. 69–76. (In Russ.)
- Leongard K. Accentuated personalities. Rostov-on-Don, 2000. 544 p. (In Russ.)
- Makeev V. V., Shpak V. Yu. Philosophical and legal analysis of personal and psychological components of career growth. *Philosophy of Law*. 2000. No 1. P. 66–72. (In Russ.)
- Mitrokhin N. A. The illness of the "fund of the commissioner": reflections on the actual problems of the research in the field of religiosity in the USSR. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2012. Vol. 30. No 3–4. P. 505–511. (In Russ.)
- Molodov O. B. Commissioners of the Council for Religious Affairs and realization of the state religious policy in the Russian North, the 1960s – the 1980s. *Perm University Herald. History*. 2015. Issue 1. P. 242–247. (In Russ.)
- Podmaritsyn A. G. M. Koshman – the commissioner for the Russian Orthodox Church Affairs at the USSR Council of Ministers in the Ulyanovsk region (documentary portrait of an official of the Khrushchev era). *Contemporary Issues of Humanitarian and Socio-Economic Sciences*. 2015. Vol. 9. No 1. P. 111–116. (In Russ.)
- Chumachenko T. A. State, Orthodox Church, believers. 1941–1961. Moscow, 1999. 248 p. (In Russ.)
- Shkarovsky M. V. Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (Church-state relations in the USSR in 1939–1964). Moscow, 1999. 400 p. (In Russ.)
- Yumasheva Yu. Yu. Archives, prosopography and "the right to be forgotten". *Ego-documentary heritage of the Russian province between the XVIII and the XXI centuries. Problems of identification, storage, study, and publication: Proceedings of the international research conference*. Tver, 2014. P. 60–69. (In Russ.)
- Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the truth about history. New York, 1994. P. 201–220.
- Kavolis V. History of consciousness and civilizational analysis. *Comparative Civilizations Review*. 1987. No 17. P. 1–19.
- Levi G. On microhistory. New perspectives on historical writing. (Peter Burke, Ed.). University Park (Penn.), 1992. P. 93–112.
- Maslow A. H. A theory of human motivation. *Psychological Review*. 1943. No 50. P. 370–396.
- Merton R. K. Bureaucratic structure and personality. *Merton R. K. Social theory and social structure*. New York, 1957. P. 195–206.
- Scott James C. Seeing like a state. How certain schemes to improve the human condition have failed. London, New Haven, 1998. 461 p.

Received: 26 April, 2019